

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

О. Н. Толочко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, 220030, г. Минск, Беларусь, belrus@bsu.by*

В статье анализируется опыт и перспективы введения цифровых валют центральных банков. Определяется соотношение таких валют с криптовалютами, а также безналичными и наличными деньгами. По мнению автора, введение цифровых валют центральных банков, обусловленное стремлением заместить криптовалюты и создать альтернативную систему трансграничных платежей, вряд ли способно заметно повлиять на достижение этих целей.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка; ЦВЦБ; правовое регулирование денежного обращения; платёжная система; трансграничные платежи.

LEGAL NATURE AND PROSPECTS OF THE CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCY

O. N. Tolochko

*Belarusian State University,
Leningradskaya st. 8, 220030, Minsk, Belarus, belrus@bsu.by*

The article analyzes the experience and prospects for the introduction of digital currencies of central banks. The ratio of such currencies with cryptocurrencies, as well as non-cash and cash money is determined. According to the author, the introduction of digital currencies of central banks, due to the desire to replace cryptocurrencies and create an alternative system of cross-border payments, is unlikely to significantly affect the achievement of these goals.

Keywords: digital currency of the central bank, CBDC, legal regulation of money circulation, payment system, cross-border payments.

Стремительное развитие цифровых технологий не могло не затронуть систему денежного обращения. Последние десятилетия ознаменовались широким применением IT-технологий в деятельности банков и появлением таких экономико-социальных конструктов как криптовалюта и блокчейн, претендующие если не на замещение фиатных денег, то, как минимум, на то, чтобы взять на себя часть их функций. Расширение

оборота криптовалют, совершенствование технологий распределенных реестров, довольно высокая маржинальность рынка криптовалют обусловили закономерный интерес со стороны центральных банков, в том числе, разработку в ряде стран проектов введения цифровых валют центральных банков (далее – ЦВЦБ). Такие валюты уже есть у КНР, Ямайки, Багамских и Карибских островов [1]. Возможность выпуска цифровых валют обсуждалась в США, Канаде, Японии, Швеции, Норвегии, в ряде других стран [2, с. 81–82]. В 2021 г. Концепцию цифрового рубля представил Банк России [3]. В 2023 году о планах по внедрению цифрового белорусского рубля заявил Национальный банк Республики Беларусь [4, с. 15–16].

Вместе с тем, вопросы природы ЦВЦБ, их соотношения с фиатными деньгами, перспектив развития, правового регулирования их гражданского оборота остаются пока дискуссионными [5; 6; 7]. Многочисленные научные публикации фокусируются чаще на технических аспектах, особенностях «архитектуры» и «дизайна» той или иной ЦВЦБ, их отличиях от криптовалют, стэйблкоинов и государственных криптовалют. Однако не менее актуальным представляется анализ предпосылок и общей логики развития ЦВЦБ, который может способствовать определению их перспектив.

Цифровые валюты – продукт цифровой трансформации и развития IT-технологий. Первая криптовалюта (биткоин) была «изобретена» в 2009 г. В настоящее время под криптовалютой понимается любой вид валюты в цифровой или виртуальной форме, выпускаемой и существующей в децентрализованной системе и зашифрованной средствами криптографии для защиты транзакций [8]. Криптовалюты обрабатываются в распределённом «публичном» реестре – блокчейне, где хранятся записи обо всех транзакциях, обновляемые держателями. Единицы криптовалюты («монеты») создаются в процессе майнинга, т. е. решения посредством вычислительных мощностей компьютеров математических задач, в качестве вознаграждения за полученный «результат». Результат условен, поскольку никакого практического смысла, помимо получения вознаграждения в виде биткоина или иной криптовалюты решение задач не несет. Публичность блокчейна также условна, поскольку речь идет о прозрачности для участников процесса, а не для сторонних наблюдателей.

Таким образом, майнинг направлен на «добычу» монеты путем решения абстрактной математической задачи. При этом добытая монета представляет ценность лишь в контексте спроса со стороны адептов. При наличии такого спроса монета может выполнять функции средства платежа, средства накопления или средства обращения.

Однако обычные фиатные деньги эти функции тоже выполняют, причём делают это гораздо успешнее. Спрос на криптовалюты, очевидно, связан с некими их качествами, которыми фиатные деньги не обладают.

Нетрудно заметить, что идейной составляющей конструкта криптовалюты является независимость от государства и его институтов. Криптовалюта эмитируется частными субъектами и обращается в их среде. Транзакции открыты для участников процесса, прозрачны и децентрализованы, что создает ощущение свободы и сопричастности. Поскольку обособленность от государства является фундаментальным качеством, можно сказать, что криптовалюта воплощает идеи анархизма.

Идея «частных» денег, обращающихся по соглашению контрагентов, не нова. Только в США в середине XIX века было выпущено около 8000 различных видов денег, эмитентами которых выступали отдельные штаты, муниципалитеты, частные банки, железные дороги, магазины, рестораны, церкви и даже индивиды [9]. «Частные» деньги появлялись в разные времена в разных странах (как правило, в периоды кризисов и войн), однако к XXI веку использование в экономике таких инструментов маргинализировалось, и практически повсеместно денежное обращение перешло под контроль государства. Этот процесс не всегда оценивается позитивно: некоторые склонны видеть в этом насилие или регресс. Так, по мнению видного австрийского экономиста и социолога Ф. А. фон Хайека, государство не способно дать обществу деньги лучшего качества, чем те, которые создаются без его участия. Государственные деньги менее надежны и пригодны к обращению, а монопольное право правительства на эмиссию денег ведет к усилению государства, что Ф. А. фон Хайек, как и многие другие либертарианцы, считал пагубным. Общество должно быть организовано вокруг рынка, а механизм государства должен использоваться лишь для того, чтобы установить юридический порядок, состоящий из абстрактных правил, а не специфических команд [9]. Появление криптовалют подарило этим идеям вторую жизнь.

Разработчики биткойна и блокчейна привнесли в идею «частных» денег флёр и привлекательность передовых высоких технологий, что было одним из факторов расширения круга адептов и способствовало стремительному росту популярности. Тем не менее, как социальный конструкт, биткойн – не изобретение, а реинкарнация старых практик «частных» негосударственных денег.

Учёт данного обстоятельства важен для понимания роли и места цифровых валют центральных банков во всей этой системе. Участие государства в лице регулятора – центрального банка – подрывает саму идею децентрализованного распределённого реестра, отсутствия единого

эмиссионного центра и регулирования. Конструкт цифровой валюты центрального банка – оксюморон, пятое колесо, роль которого в системе децентрализованных «денег» не может быть конструктивной: либо условный биткоин подорвёт систему фиатных денег, либо государство возьмёт его под контроль, уничтожив либертарианскую суть и превратив в разновидность обычных денег. Сосуществование их в одной системе координат представить сложно.

Данный вывод косвенно подтверждается тем фактом, что какой-то общей модели ЦВЦБ по настоящее время нет. Предлагаются различные варианты: оптовая и розничная, двухуровневая и одноуровневая, централизованная и распределенная, частично анонимная и требующая идентификации и т.д. [2; 6; 7]. Цели тоже определяются по-разному. Так, целями введения цифрового юаня являлись: 1) вытеснение из обращения криптовалют и стейблкоинов; 2) трансформация платежной системы Китая и подготовка к будущим инновациям; 3) разработка платежной системы для трансграничных расчетов на основе ЦВЦБ, в том числе с Гонконгом [10, с. 27]. Таким образом, предполагалось встроиться в рынок криптовалют с собственным, более привлекательным, по задумке, продуктом; найти применение блокчейну, на перспективности которого настаивали адепты; использовать цифровые валюты как альтернативу сложившейся системе международных расчётов.

Определенные результаты на данный момент достигнуты: цифровой юань является сегодня самой распространенной ЦВЦБ в мире. По состоянию на конец июня 2023 г. объем транзакций в e-CNY составил 249,33 млрд. долл. США (преимущественно в розничных внутренних платежах) [11]. Однако это сравнительно немного с учётом объёма китайской экономики. Кроме того, трудно судить, насколько использование e-CNY было выбором экономических акторов, а не результатом административных мер. В-третьих, e-CNY эмитируется Народным Банком Китая (НБК) и является его обязательством, входит в состав М0, выполняет все функции денег, и, таким образом, отличается от фиатных безналичных денег лишь технически: цифровые кошельки в e-CNY не связаны с банковскими счетами, а идентификация пользователей производится по номеру телефона. При этом в настоящее время НБК ограничивает количество e-CNY в обращении, что должно уменьшить риск снижения банковских депозитов. Таким образом, e-CNY представляет одну из трёх форм юаня как официальной национальной валюты, в силу чего речь не может идти о вытеснении криптовалют как принципиально иного экономического конструкта. Что касается общей трансформации платёжной системы Китая, то этого не произошло. Расчёты с Гонконгом также не претерпели больших изменений. Сам Гонконг, запустив в 2021 г. исследования о

внедрении собственной ЦВЦБ (e-NKD), на данный момент от этой идеи отказался [12].

Опыт Нигерии (пилотный проект eNaira) показал, что если на первом этапе было создано 252 тыс. потребительских и 17 тыс. торговых кошельков, а количество транзакций на платформе превысило 200 тысяч общим объёмом 4,4 млрд. eNaira, то на втором этапе (с сентября 2022 г.) еженедельные транзакции регистрировались только в 8% загруженных кошельков [13, с. 14]. Эти факты можно объяснить интересом к новому проекту с соответствующей рекламой, который впоследствии, возможно, не оправдал ожиданий пользователей.

Как уже отмечалось, введение ЦВЦБ планируется в России и Беларуси. Первоначально российский ЦБ относился к проекту негативно. «Выпуск центральными банками цифровых валют несет в себе риски для финансовой системы», – заявляла глава ЦБ России Э. Набиуллина в 2019 г. – «Для нас, как для ЦБ РФ, это неочевидно, мы видим здесь риски, если будут выпущены цифровые валюты центральных банков, это может серьезно повлиять на основы функционирования банковской системы» [14]. Впоследствии позиция регулятора изменилась. Необходимость введения цифрового рубля ЦБ России объясняет тем, что это обеспечит ряд преимуществ для граждан, для участников финансового рынка, а также для государства. Предполагается, что граждане и бизнес получат доступ к цифровому кошельку через любую финансовую организацию, в которой обслуживается клиент; снизятся затраты на проведение операций; повысится их доступность за счет офлайн-режима; повысится уровень сохранности средств и уровень безопасности (за счет уникальных номеров цифровых рублей); расширится линейка инновационных сервисов, улучшится обслуживание клиентов. Участникам финансового рынка гарантируется повышение конкуренции; создание инновационных платёжных сервисов за счет применения блокчейна; развитие новой платёжной инфраструктуры. Государство при этом должно получить новые возможности контроля за расходованием бюджетных средств, снижение издержек на администрирование бюджета и потенциал для упрощения трансграничных платежей [3].

Похожие эффекты от введения цифрового белорусского рубля ожидаются и в Республике Беларусь. При этом в докладе заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Д. Л. Калечица на расширенном заседании Правления акцентировалась как раз последняя составляющая – внедрение и вывод цифрового белорусского рубля на трансграничный уровень [4, с. 5]. Стимулом к активизации проектов цифровой валюты в обеих странах стало санкционное давление, сузившее возможности для внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, центральные банки хотели участвовать в системе обращения криптовалют на фоне резко растущего рынка и намеревались влиять на них с позиций безопасности и правопорядка. Однако роль криптовалют, как и в других подобных случаях внедрения «частных» денег, снизилась. Их рынок до сих пор значителен, на нём обращаются крупные суммы, но конкуренции традиционному денежному обращению он в настоящее время не представляет по тем же причинам, по которым каждый раз «частные» деньги уступали «государственным».

С правовой точки зрения деньги – это выраженные в количественном измерении обязательства. Они неразрывно связаны с государством как гарантом исполнения юридических обязательств. «Частные» же деньги работают на доверии, и инструментализация такого доверия в условиях анонимности и децентрализации является гораздо более затратным мероприятием, нежели в обкатанной веками банковской системе с единым эмитентом и регулятором. В этой связи криптовалюты не могут стать полноценной заменой «юридическим» деньгам – национальной валюте.

Второй аргумент введения ЦВЦБ – приверженность инновациям – тоже не кажется достаточным. Инновации – не самоцель. Желание «приспособить» технологии криптовалют и блокчейна к решению социальных задач не оправдывают экспериментов с системой денежного обращения, которая чутко и не всегда позитивно реагирует на такие шаги. То же можно сказать и о мотивах улучшения обслуживания клиентов: совершенствование платёжных сервисов и обеспечение доступности банковских услуг может осуществляться менее инвазивными способами.

Наиболее весомым аргументом, который, вероятно, был определяющим в принятии решений о ЦВЦБ, является желание создать альтернативу сложившейся в мире системе международных расчётов. Действительно, у развивающихся стран могут быть проблемы с трансграничными платежами: во-первых, они осуществляются через сеть банков-корреспондентов с участием банков-посредников, что приводит к высокой стоимости и низкой скорости расчётов; во-вторых, в такие системы слабо интегрированы валюты развивающихся стран (международная платёжная система CLS использует всего 18 валют); в-третьих, возможности Беларуси и России по интеграции в мировую финансовую систему сокращаются из-за санкций [7, с. 54]. Очевидно, что определенные надежды в такой ситуации возлагаются на ЦВЦБ.

Трудно сказать, насколько успешным будут проекты цифрового российского и белорусского рублей в плане международных расчётов. Однако ни пилотные проекты, ни уже действующие ЦВЦБ на текущий момент не оказали сколь-нибудь заметного влияния на сложившуюся си-

стему внутреннего и трансграничного денежного обращения. Цифровой юань как ЦВЦБ самой крупной на сегодня экономики мира не получил пока широкого распространения. Что касается фиатного доллара США, то по состоянию на июль 2023 г. его доля в международных расчётах достигла рекордного за 5 лет уровня, составив 46,46% (далее идут евро (24,42%) и британский фунт (7,63%)). Расчеты в китайских юанях во всех его формах составили 3,06%.

В целом, как представляется, цифровая валюта центрального банка – довольно затратный и рискованный проект, который вряд ли сможет оправдать возлагающиеся на него надежды.

Библиографические ссылки

1. Central Bank Digital Currency Tracker [Electronic resource] // Atlantic Council. Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/>. Date of access: 07.09.2023.
2. Кочергин, Д.А. Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платёжную системы // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 4. С. 80–98.
3. Концепция цифрового рубля // Банк России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf. Дата доступа: 07.09.2023.
4. Основные направления развития платёжного рынка. Доклад заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Д.Л. Калечица на расширенном заседании Правления // Банкаўскі веснік. 2023. № 7 (720). С. 11–19.
5. IMF Approach to Central Bank Digital Currency Capacity Development // IMF [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2023/04/12/IMF-Approach-to-Central-Bank-Digital-Currency-Capacity-Development-532177>. Date of access: 07.09.2023.
6. Ситник, А.А. Цифровые валюты центральных банков // Вестник Университета им. О.Е.Кутафина. 2020. № 9. С. 180–186.
7. Осмоловец, С. Зарубежный опыт эмиссии цифровой валюты центральных банков // Банкаўскі веснік. 2023. № 3 (716). С. 49–58.
8. Что такое криптовалюта и как она применяется? / Kaspersky [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cryptocurrency>. Дата доступа: 07.09.2023.
9. Хайек, Ф. А. Частные деньги / пер. Б. Верпаховский; ред. Р. Капелюшников, М. Козловская. М., 1996 // Московский Либертариум [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://libertarium.ru/l_lib_prmoney. Дата доступа: 07.09.2023.
10. Towards Central Bank Digital Currencies in Asia and the Pacific / S. Jahan [et al.] // IMF [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-otes/Issues/2022/09/27/Towards-Central-Bank-Digital-Currencies-in-Asia-and-the-Pacific-Results-of-a-Regional-Survey-523914>. – Date of access: 07.09.2023.
11. Объем транзакций с использованием цифрового юаня вырос почти до \$250 млрд // РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/64b8f1de9a79476b31f4a912>. Дата доступа: 07.09.2023.

12. Four essential Q&As for e-HKD // Hong Kong Monetary Authority [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.hkma.gov.hk/eng/news-and-media/insight/2022/04/20220427/> . Date of access: 07.09.2023.

13. Wezel, T. Nigeria – Fostering Financial Inclusion through Digital Financial Services: Nigeria / T. Wezel, J. Ree // IMF [Electronic resource]. Mode of access: https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/Selected-IssuesPapers/2023/English/SIP_EA2023020.ashx. Date of access: 07.09.2023.

14. Набиуллина: Криптовалюты центральных банков несут риски для финансовой системы // Прайм: Агентство экономической информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://1prime.ru/finance/20191011/830399664.html>. Дата доступа: 07.09.2023.